

Надстрочные знаки в русской орфографической традиции. «Времена» и «духи»

Данные типы просодических надстрочных знаков¹ следует рассмотреть совместно, поскольку их функциональное значение в некоторые периоды развития русской орфографии пересекалось, и они зависели друг от друга.

Рассмотрим прежде всего терминологическую сторону дела, а также установочные рекомендации средневековых грамматик².

Времена — калька с греч. χρόνοι 'длительность гласного или слога'. Соответствующие знаки обычно употреблялись в произведениях определенного жанра, прежде всего тех, которые предназначались для устного исполнения. Времена, т. е. длительности, в древнерусском фактически ограничивались долгой \ и краткой ~, потому что в большинстве систем, отраженных в средневековых русских текстах, утрачивалось различие между долгой \ и макрой Ɱ (греч. грамматический термин ἡ μακρά 'долгий слог'): они одинаково обозначали ударение определенного типа (см. ниже). Практически в обиход был распространен знак маркированного члена оппозиции, долгая, и она постепенно устраняет возможные графические варианты. Знак ставился в конце слова и указывал на «протяжение»

¹ В отличие от знаков, обозначающих ударение, см.: В. В. Колесов. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. — В кн.: «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., 1973, стр. 228 и сл.

² Основным пособием может служить обстоятельное исследование: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русск. яз.», I. СПб., 1895. — Рекомендации Константина Костецкого и Максима Грека также даются по изданию И. В. Ягича. Дополнительно использованы материалы ранней редакции русского азбучника по рукописям ГИБ Погод, 1145 и Погод. 1655.

конечного слога, ср. в Азбуковнике Погод. 1145, л. 15: двѣ писмѣ протазѣа ѣко(ж) сѣ оустроѣи, даѣи вземлѣи, пойдѣи в покоѣи. Однако для славянского произношения подобные обозначения признаются редкими, «не бо тѣсень словенски языкъ», его ударение равномерно и подвижно, тогда как долгая скорее годится в спондее, трохее и дактиле³. Краткая $\overset{\sim}{\text{ѣ}}$ имела также русское название *чашка* и в некоторых рукописях могла варьировать графически (знаками $\overset{\sim}{\text{ѣ}}$ $\overset{\sim}{\text{ѣ}}$ $\overset{\sim}{\text{ѣ}}$), пересекаясь с обозначениями духов. Функция этого знака — передавать краткость соответствующего гласного, ср. в графических вариантах: пойдѣша, бойщеса, найпаче, пойдѣу, поймѣу, свѣиство и т. д. Азбуковник начала XVII в. специально оговаривает, что в печатных и рукописных московских книгах этот знак не употребляется (Азб. Погод. 1145, л. 15 об.). Это замечание понадобится нам впоследствии, когда мы коснемся вопроса о территориальном варьировании надстрочных знаков.

В приведенных примерах основным противопоставлением долгой и краткой является их противопоставление на *и*, ср. пойдѣи — с «кратким» ѣ, с «долгим» ѣ. Долгота или краткость остальных гласных в рукописях не выражена столь отчетливо, и вот почему.

В ряде руководств специально указывается на относительную «длительность букв». Так, в Азбуковнике Погод. 1655 (л. 179) отмечены: четыре «долгие» (ѣ, ѡ, и, ѡ), три «краткие» (е, о, у) и четыре «двоявременные» (у, і, а, ж). В других грамматических и словарных текстах в качестве «долгих» показаны и, ѡ, ѣ, ю, ы, ж, ѡ, в качестве «кратких» — і, о, е, у, а. Скорее всего, подобное разграничение количества не являлось собственно русским и во многих отношениях было условным. Тем не менее исходные количественные отношения гласных оно отражает весьма удачно. Постоянно долгими названы все дифтонгоиды с напряженной артикуляцией и обычно подударным размещением [ѣ, ѡ, і, ѡ], обозначаемые буквами ѣ, ѡ, и, ѡ. Постоянно краткими — монофтонги [е, о, у]. Все «двоявременные» (т. е. в зависимости от позиции то долгие, то краткие) — это графические варианты уже указанных гласных, ср. ж, ѡ, у, і. Таким образом, речь идет о характере длительности гласных, но сама

³ Ср. также: И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 745.

(фонетическая) длительность выражается особыми начертаниями букв, а не специальными надстрочными знаками. Количественные отношения гласных в древнерусских текстах отражаются не столько надстрочными знаками, сколько графическими вариантами букв. Поскольку подобное обозначение длительности выходит за пределы нашей темы и требует самостоятельного изучения, ниже мы к нему не возвращаемся.

В соответствии с правилами греческой грамматики, в азбуконниках и в грамматических сочинениях рекомендуется расстановка основных акцентных знаков в зависимости от количественных соотношений гласных конца слова. Если последний слог слова долг, ударение на нем обозначается знаком каморы (моужь), если он краток — варией (блажень); предпоследний ударный слог обозначается оксией, если последний слог долг (мбужи) и каморой, если он краток (боудеть)⁴. Сложная система обозначения словесного ударения в русских рукописях до начала XVII в. определяется именно такими правилами, постоянно учитывающими соотношение между словесным ударением и относительной длительностью гласных в пределах слова. Такая система еще требует своей фонетической расшифровки по отдельным текстам, но само ее наличие косвенно подтверждает фонетическую значимость тех количественных обозначений гласных, которые рассмотрены выше.

Знаки словесного приступа («духи») также пришли из греческой графической традиции; сам термин является калькой с греч. το πνεύμα 'придыхание, знак придыхания' (буквально — 'дух'). Они указывали на характер начального гласного в слове и подразделялись на *псили* и *даси*.

Каждое слово, начинающееся с гласного, получало знак¹ (азь), который имел несколько наименований: *апостроф*, *псили*, а также калькированные *лагодная*, *краткая*, *звательцо*, *запятая*, *острая*, *тонкая* и т. д. Само изобилие терминов указывает на несущественность знаков словесного приступа для произношения русских слов. Если начальные гласные были подударными, *псили* совмещались со знаком ударения (азь), и этот комбинированный знак получал название *иссо* (из греч. музыкального термина ἴσος с буквальным значением 'равномерно'),

⁴ И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 691, 798—799.

ср. в древнерусских азбуковниках также *ико, иск, искъ* и другие искажения этого, ставшего непонятным термина. В греческих текстах наряду с псилью над мужскими именами (ср. *о* . . .), над именами женскими употреблялся другой знак — *дасия* (от греч. *δασία* как грамматический термин со значением 'густое придыхание', ср.: *η* . . .) — запятая повернута в противоположную сторону. Константин Костенчский, Максим Грек и многие другие реформаторы предлагали ввести подобное разграничение и в славянские тексты, и в некоторых рукописях мы действительно можем встретить знак *дасии*, более известной в славянской терминологии как *сипливая*, однако каких-либо закономерностей в различении псилы и *дасии* нет, они варьируют друг с другом на чисто графических основаниях. Этот факт дополнительно указывает на то, что строгая последовательность в употреблении каких-то графических средств всегда основана на реальных противопоставлениях данной фонологической системы и никоим образом не зависит от чисто внешних реформаторских нововведений.

Описывая конкретные системы обозначения духов и времен в русских рукописях XVI—XVII вв., выделим как самостоятельные следующие позиции:

1) начальный гласный слова (неприкрытый), 2) начальный гласный слога в середине слова после гласного, 3) конечный гласный слова, за которым не следует согласный.

В наиболее ранних русских рукописях, по-видимому, отсутствует знак для передачи духов. В Тр. 1523 г. в первых двух позициях возможен знак *исса*: *оўмъ, гноѣние, поѣмъ, ѣсмъ, ѣсть, твойхъ, ѳница, ѳнцу*; в конце слова обычны для этой рукописи обозначения ударения (родилá еси или ѡгнâ), псиль как самостоятельный знак придыхания, отработанный в орфографической традиции, еще не представлена (имеются нерегулярные колебания типа *ѣси ~ еси*). Все обозначения духов сопровождаются акцентным знаком, который действительно уже имеет определенное значение (об этом можно судить и по приведенным примерам). Аналогичное положение в Пр. 1532 г. и в Ев. 1534 г., с той только разницей, что в этих рукописях в функции придыхания выступает один из возможных в данной позиции акцентных знаков, ср. в Пр. 1532 г.: *юже, създа обою, стрѡбѣтся, о злѡбѣ, видѣша ю,*

положи ю, даю же, съглаживаѡ Ѳ игрецъ, но чаще такие написания, как осббъ, тѣ еси, боюса, или и т. д., без выделения начального гласного каким-либо знаком.

Во второй четверти XVI в. возникает традиция в выделении указанных гласных, но она еще не вошла в орфографические рамки. В Тр. 1533 г. находим самые различные выражения для духов над начальными лабиализованными гласными (ѡ, ѡ̄, ѡ̆, оѣ, оѣ̄), тогда как передние гласные получают другое обозначение и притом только во второй позиции, ср.: твореньѡ, твоѡ, ходатай, ѡ̄сѣнѡѣтсѡ. В этой рукописи, как было показано⁵, знак оксианта стоит над ѣ, ю, а ударение не передается. Служ. 1540 г. также предлагает самые различные знаки для обозначения духов, не организованные в какую-либо систему: в первой позиции ~ или ^ (ѡ̄ббѡ, ѣзѡ, ѣрбстѣю), во второй — ' или '' (твоѡ, помилѣй, вѣруѡ, губбю, вѣрбю, волбѡ же).

Затем появляются рукописи, в которых отражаются попытки как-то обобщить употребление знаков придыхания, но при этом каждый раз позиция конца слова оказывается особой. В первых же двух позициях в качестве единственного знака придыхания обобщается прежде всего кратка (в Служ. 1554 г.) или кратка и камера (в Пс. 1556 г.) — знаки, которые сами по себе служили для передачи количества или ударения и первоначально выполняли функцию знаков придыхания факультативно. Ср.: в Служ. 1554 г. — ѡго, твоѡ въ ѡслѣшѡние, твоѡму, невѡлею и т. д.; в Пс. 1556 г. — ѡ избѡвитель, твѡри твоѡѡ, малаѡ с' великими всѡческѡѡ ѡспѡл'нить⁶, въ ѡкѡвахъ нбзи еѣ ѡубо в'си ѡзыцы, помилуй, помилуй и т. д. Эти рукописи переписаны на близких территориях (Дмитровск и Переславль-Залесский) и отражают поиски определенной школы письма.

Распространение получила другая система, ориентированная на дифференциацию начального и срединного гласного: псиль или иссо над начальным гласным и кратка или ипостолія в других случаях. Имеется несколько переходных типов, показывающих разнонаправленное изменение орфографической тенденции в середине XVI в. Приведем примеры наиболее выразительных систем.

⁵ См.: В. В. Колесов. Указ. соч., стр. 247—248.

В Круге 1536 г.: за коёю строкою, на шоуёй страницѣ, въ йсподѣ, да не оусомнитса, ѿдинь, бо ёсть, преднаёго, и ѿ земли, на всакой, по всей земли, за мирскоё. Фактически каждая из трех позиций в этой рукописи располагает своим знаком: 1) — [˘], 2) — [˘], 3) — [˘]. В северных требниках (Треб. 1566 г. и 1570 г.) кратка обычно выполняет роль квантитативного знака, ср.: ѡзь, оучинить, ѡрачи, но молбою, прочюю, мой, в единой при твоею, твоея, моея; последние примеры хорошо указывают функцию кратки, поскольку в данных трехгласных сочетаниях независимо от характера конечного гласного (ѡ или ю) он безусловно передает [й]. В Новгородской Четве 1538 г. положение аналогичное: землею, ѡльбою, тайнамъ, своея, стройно, братьей, который, но прочюю, горшаа, различнаа, злоё, свой, сей. Кратка стоит над тем гласным, который очень рано редуцировался до [й], ср. им. падеж ед. числа свой — мн. число свой.

Во второй половине XVI в. появляются рукописи, в которых кратка употребляется только над й (в Сб. 1589 г.: творѡй, тѡй, сицевѡй и т. д.; см. также Ев. 1625 г., Мин. 1645 г.) или только над ю (в Служ. 1598 г.: силою, волею и др., тогда как над начальным гласным находим целую серию недифференцированных знаков [˘], [˘], [˘], [˘]). Любопытно совмещение кратки с долгой над одним и тем же слогом, создающим графический вариант ипостолiei. В рукописи Житие 1587 г. наряду с обычными написаниями типа житиѣ находим довольно частые обозначения ипостолiei: на другоѣй странѣ, имѣниѣ Андрѣй, оубити сѣкерою и др. (после согласных обычно вария, ср. всё зло, видѡ его). Один из гласных дифтонга (ие, ою, ой) безусловно краток, однако в некоторых случаях ожидался бы знак кратки вовсе не над тем гласным, где он поставлен, например, логичнее и в полном соответствии с последующим фонетическим изменением было бы встретить написание житиѣе, а не житиѣ. Тот факт, что кратка ставится после второго из гласных, способен указывать на разделительную функцию знака: это спиритус, позиционно ограниченный неначальным положением в слове. С другой стороны, сама возможность его употребления только в сочетании с сократившимся гласным указывает на квантитативную функцию знака. Подобный синкретизм значения кратки находится в соот-

ветствии со всей системой обозначений, представленных в этих ранних рукописях: собственного знака придыхания в них еще нет.

В сущности, его еще нет в следующей группе рукописей, также относящихся к XVI в., хотя орфографическая традиция этого рода на Севере могла сохраняться и в первой половине XVII в. Начальный гласный выделяется каморой $\overset{\sim}{\text{а}}$, срединный — каморой или каморой с оксией $\overset{\sim}{\text{а}}$, $\overset{\sim}{\text{а}}'$, конечный, в зависимости от качества гласного — долгой $\overset{\sim}{\text{а}}$ или (над й) краткой. При этом в ряде рукописей, отражающих данную традицию, й может заменяться кендемой без обозначения гласного, ср. в Сб. 1598 г.: твѡ , ѡмѡ , Михѡлу , род. мн. людѡ , стѡи трѡ | цы и др. Ср. в качестве примера материал из Жития 1550 г.: $\text{что ѡсть дажь ѡ до мѡра ѡже ѡѡ оубѡ бстроѡ}$, ѡ строино (также и строино), злою тѡа , оубогоѡ свое ѡѡдо , третѡи старецѡ и др. В эту группу входят также Пс. 1587 г., Грек 1587 г., Тр. 1589 г. и рукописи, написанные Исайей Вогнемским и Азацким для Кирилло-Белозерского монастыря — Кормч. 1590 г., Пс. 1599 г., Сб. 1598 г., Тр. 1611 г., Тр. 1619 г., также Златоуст 1649 г., переписанный в Чаронде. Набор знаков, применяемых Исайей Вогнемским, ограничен каморой во всех положениях, он избегает кратки как знака, уже не информативного в его время, ср.: сѡздаѡ ѡси , оумретѡ , своѡхъ , даѡтъ , стойтъ , обѡчнѡи , пѡтъѡи , $\text{всѡкѡа мукѡ избѡви}$, терпѡи и т. д.

Тем не менее уже в середине XVI в. появляются системы, в которых единственным знаком придыхания выступает собственно псиль (и в качестве подударного варианта — иссо). Камора и кратка, неудобные для этой цели благодаря своей многозначности, окончательно устраняются из употребления в этом значении. Над конечным гласным в различных рукописях обобщается либо долгая, либо вария .

Рукописи такого типа появляются в середине XVI в. и первоначально в качестве варианта используют дасию (сипливающую) во второй позиции — своеобразная попытка каким-то образом разграничить эту позицию и позицию начала слова. Так, в новгородских рукописях Ап. 1545 г. и Ев. 1548 г.: оученикъ , ѡн'же рѡч , въ ней же , въ Антиѡхѡи , нежелѡи ѡже , свѡтлоѡ , разоумѡтѡмъ ; ѡда оубѡ ѡи , ѡно , ѡ ѡдино , ѡбѡче ѡбѡцаѡ и ѡбаче , ѡко ѡже , нѡ ѡже

и т. д. Ап. 1545 г. переписан с южнославянского оригинала, поэтому кроме указанных знаков мы встречаем там также камору в конце слова (дублирует в этой позиции долгую), ср. жѣнб, глѣвы, нашеб и др. в положении после согласного, тогда как после гласного используется долгая: вѣроу, прѣвоѣ, имѣа, мой, палестинскыа. Зависимость от южнославянской графики оказывается непродолжительной и идет только по линии дублирования знаков; поэтому очень быстро всякая зависимость от южнославянских рукописей устраняется, хотя некоторые колебания и неуверенность в расстановке знаков еще чувствуются и в Ев. 1548 г. (даже в начале слова может употребляться и псиль, и дасия, ср. обѣче и обаче).

Самая ранняя рукопись с новой, окончательно сформированной системой обозначений, которую мы можем указать, — вологодская Пс. 1566 г. Псиль над безударным и иссо над ударным гласным обобщаются и в начале, и в середине слова; конечный гласный по-прежнему выделяется долгой, ср.: ѡкрестъ, ѡзь, ѡко, ѣси ты, напоиши, моѣго, ѡздоу, злѣбоу, моею, моа и др. Эта система становится общерусской, традиционной, она последовательно отражена в московских и околосмоковских рукописях второй половины XVI в. и далее (Мин. 1569 г., Панд. 1570 г., Служ. 1592 г., Об. 1594 г., Тр. 1596 г. и др.), а впоследствии была введена и в старопечатные книги. Последнее обстоятельство и обеспечило ей ранг общерусской системы, хотя в ней и произошло одно, казалось бы, незначительное изменение: над конечным гласным вместо долгой стала употребляться вария. Прежде она служила для обозначения ударения над конечным слогом и употреблялась после согласного (меня), теперь же во всех случаях вария стоит над конечным гласным, кроме ѣ, ѵ.

Как дублирующий долгую знак варии появляется в Служ. 1603 г., но тут он связан с некоторыми обозначениями количества. Именно в этой северной рукописи находим обычные для северных источников обозначения долготы конечного открытого слога (диалектологами такая долгота отмечается до сих пор), и это обстоятельство привело к смешению знака долготы и знака ударения, ср.: своимѣ чѣды, на персѣ, нѣмоцѣ, написа, дрѣжава, силѣ, слѣвы, всеѣ тѣарѣ, твоѣ, в рѣбра, в вѣки, до перенѣса, с намѣ, щедрѣты твоѣ, не оставѣ, житѣ намѣ, лицѣ,

бы́ти, хвалі́ти, гроба́ и т. д. На то, что перед нами действительно ненамеренный выбор знака вари́и для обозначения третьей позиции гласного, указывает большое число архаизмов, представленных в рукописи. В частности, знак вари́и выступает в значении придыхания также в середине слова (име́ши, наряду с каморой: свойми), а знак ударения обобщен в виде оксии, которая может употребляться и в конце слова, ср.: вчера́, от хвалы́ твоя, оуста́ моя и т. д.

Вари́я как единственный знак третьей позиции при пси́ли (иссо) как единственном знаке первой и второй позиций окончательно формируется во второй половине XVII в. В этих рукописях вари́я и оксия становятся единственными знаками передачи ударения, камора [^] и кендема [^] вовсе исчезают из обихода, в роли спиритуса выступает пси́ль; ср. Ев. 1678 г., Ап. 1693 г., Син. 1696 г., Книга 1697 г., Сл. 1698 г.

Тем не менее на пути к этой системе возможны были некоторые повороты вспять. Особенно они характерны для северных рукописей, во многих отношениях придерживавшихся традиционных написаний.

В ярославском Сб. 1659 г. на месте пси́ли в первых двух позициях последовательно употребляется точка (в третьей позиции — долгая, но точка также и над *a* в середине слога), ср.: о́то о́дра, всего о́брѣсти и др., но также ра́бъ, Па́вла, да́ждь, ма́ло, па́ки у́бо, по ма́лѣ; в конце слова над *и* может стоять кратка (святы́й, той). Долгая вместо вари́и над конечным слогом, как сказано, особенно продолжительно держалась в северных рукописях.

Сопоставляя все приведенные данные, мы можем отметить, что долгая исчезает из обихода, как только она перестает употребляться в значении спиритуса; то же следует сказать и о прочих вышедших из употребления знаках: камора, кендема и краткая также первоначально имели множество функций, так или иначе связанных с обозначением количества. Фактически вся проблема «третьей позиции» связана с обозначением времен (слогового количества). Сначала противопоставление долготы — краткости, затем преимущественное обозначение долготы (только долгая при отсутствии краткой), наконец, последовательное устранение количественных характеристик и обобщение вари́и как графического варианта ударения.

Действительно, только рукописи XVI в. дают более или менее обширный материал, связанный с обозначением количества; некоторые рукописи такого рода связаны с южнославянским оригиналом (Ев. 1522 г.), однако большинство их отражает собственно русские поиски графического обозначения долгот.

В Ев. 1522-г. камора над сонорными (тма, мѣно, крѣти) и над конечными долгими: ѣдѣ, ѣ мѣ, народѣ, ветхѣ, и тоу, женѣ, сего радѣ, женѣ, бѣсерѣ, сестрѣ, по-видимому, чаще всего над ѣ, ѣ, ср. при склонении мѣздѣ, но мѣздоу. Это обозначение долготы конечного гласного, главным образом верхнего, независимо от ударения. Знак долгой встречается чрезвычайно редко над конечным открытым слогом, так же, как и в Тр. 1523 г. В этой последней рукописи камора вместо долгой всегда совпадает с местом ударения, но стоит только над «долгими» гласными (над а, ю, оу, и, ы, ѣ; исключение касается только сочетания ѣс тебѣ, представленного несколькими написаниями, ср. л. 17 об., 125 об., 252): чюдеса, въ домоу и др., но селѣ, егѣ, всякогѣ, тогѣ, зѣлѣ и др. в полнозначных словах и в клитках (сѣ, нѣ, тѣ, бѣ и др., независимо от качества гласного). Исключения в обозначении ` крайне редки (в ѣгнѣ 281 над «долгим»). В таком распределении можно видеть указание на камору как на знак подударной долготы; следовательно, вариѣ, употребляемая над ѣ, ѣ, может указывать на подударную краткость (не всегда: всякогѣ). Безударные долгота — краткость не находят никаких средств для своего изображения.

В новгородском Пр. 1532 г. камора безусловно обозначает только подударный гласный и притом долгий (стоит над [ѣ]), но, как и во всех, в том числе и в более поздних русских рукописях, отражающих противопоставление фонем [ѣ] — [ѣ], одновременно камора стоит и над конечным безударным ѣ в определенных грамматических формах, ср. нашегѣ, великагѣ, сытагѣ, силнагѣ, новагѣ и др., но рече бѣ, паче бѣ, на чудо тѣ. Ев. 1534 г. отражает ту же систему обозначения (рукопись написана в Вологде), с той только разницей, что краткость здесь обозначается более последовательно (ср. лежащѣ, пожирающѣ, творитѣ и т. д.). Аналогичная система с попытками разграничения долгих и кратких представлена в Четвѣ 1538 г., в Ев. 1542 г. Вместе с тем в Софийском собрании рукописей того же времени имеются списки со смещенным обозначением глас-

ных такого типа. Например, Федор Псковитин, переписавший Служ. 1540 г., стремится различать *δ* и *ο*, используя знак каморы, но допускает много отклонений и, кроме того, иногда ставит этот знак не на месте (хотя всегда только над *ο*), ср. мѣрбви, с мѣрбмь с вѣрбю, сѣлбю, нбсѣ; нбсѣ мой и др. Естественно, что отсутствие системности в обозначении реальных особенностей речи, очевидная зависимость от оригинала или неумелое подражание письму определенной школы приводит к механическому употреблению знаков, а в отношении количества (или качества) определенных гласных никакой полезной информации не дает. Единственная ценность такого рода рукописей с характерным для них «сбоем» орфографии заключается в негативном утверждении ценности источников типа Пр. 1532 г., Ев. 1534 г., Мин. 1538 г. и др.: последовательное графическое обозначение этих рукописей определяется не слепым следованием искусственной «норме», а реальным отражением местных особенностей речи.

В ряде рукописей того же хронологического отрезка словесное ударение не передается никакими знаками, однако традиционные знаки ударения («силы») могут использоваться для передачи количественных (или качественных) различий гласных. Так, в Тр. 1533 г., оксия очень последовательно употребляется над *ѣ*, *ю* (обозначают напряженные верхние гласные) и изредка над *ѣ* (если он заменяет обычный для рукописи знак *ѧ*), ср.: молюсѣ, согрѣшенїи, бдѣнью, тѣло, волю, оутренюю, лѣто, свѣтоносною, вѣрїи и др. В Мин. 1534 г. качество гласных также сопровождается в передаче определенными знаками: *ю*, *ѧ*, *оу*, *аи*, *оѣ*, но *ї*, *ѣ*, *ѧ*, *ѣ*, краткие *ò*, *è*, ср.: лѣтѣми, безоумнїи, своѣмоу, слѧвоу, любовїю, землю, новое, въ рай, презрѣла, красотѣ, рѣба, прїдет, прїнесѣ, трї, всѣлаахѣ, оубо, всѣхъ моудрѣ и др. Фактически в этих обозначениях времена совмещаются с духами, иногда при этом совпадая по функции с силами; их многозначность, явный синкретизм препятствуют точной расшифровке знаков. Можно говорить только о противопоставлении «дифтонгоидных» сочетаний «одноголосным»; в таком случае оксия передает долготу, в отличие от кендемы` и вариї` — знаков, выступающих в роли макры. Для текста служебной минеи подобное различие знаков вполне естественно, потому что в исполнении текста сложное соотношение между различ-

ными длительностями выступает на передний план, отстраняя даже словесное ударение. В этом, по-видимому, заключается и объяснение тому, что в псалтирях и в служебных минеях, как правило, отражается наиболее архаичный для данного времени тип ударения и притом во многих вариантах. Расшифровка подобных текстов должна учитывать также слоги, не отмеченные знаками просодии, потому что в условиях синкретизма и вариантности таких знаков отсутствие знака (знаков) над каким-то слогом становится значимым (особенно если этот слог в пределах всего текста остается не обозначенным никакими просодическими приметами).

В Пр. 1581 г. ударение передается точкой, в роли спиритуса выступает псилъ; в этой рукописи камора пишется над ѣ, ѡ, ю, обычно после знаков сонорных (правѣю, на горѣ, морю, вседержителѣ лѣкы), кедема стоит над ѣ, ѣ (смоквѣ, бѣша, женѣ, вин. падеж мн. числа бѣсѣи и т. д.).

Одновременно с тем, как уже было показано выше, все шире распространяется употребление кратки в позиции безусловного «сокращения» гласного, т. е. прежде всего над ѣ, ср., например, в Тр. 1570 г.: мѣи, твѣи, разбѣи-никъ, недостоѣиныхъ, злѣи, живѣи и др. Ср. графический эквивалент такому обозначению, вовсе устраняющий [j] за пределы писаного текста: исповѣдѣтисѣ, поѣте, іудеѣ бѣгѣ и др. (т. е. исповѣдаитисѣ, поите, іудеи бѣгѣ с передачей сочетаний ай, ой, ей как ѣ, ѡ, ѣ) в Служ. 1631 г.; ѣ—иѣ в Сб. 1629 г. и в некоторых рукописях того же времени, но не датированных столь точно. Впоследствии эта тенденция не привилась в русском письме, «и краткое» сохранилось на письме.

Сравнивая результаты приведенных сопоставлений с историей надстрочных знаков ударения («сил») ⁶, находим совпадения в хронологии и в направлении изменения.

В XVI в. (начиная со второй его четверти и до конца века) наблюдается усложненная система в обозначении «сил», «духов» и «времен», функциональный синкретизм этих знаков. При этом обозначения ударения и количества могут совмещаться п о з и ц и о н н о (в абсолютном конце слова долгая и кратка варьируют с вариетой как обобщенным

⁶ См.: В. В. Колесов. Указ. соч.

знаком ударения) и а б с о л ю т н о, проявляясь в качестве того или иного гласного (как правило, это напряженные [ô, ê, у, и], обозначения которых варьируются в различных рукописях, но в целом все вместе так или иначе выделяются из числа прочих гласных, особенно противопоставляясь гласным [о, е]; такое выделение не зависит от позиции в слове). Ударение и придыхание совмещаются чисто механически, организуя противопоставление псилли или дасии ([°] или ^с) к иссо ^{°'}. Позиционной разницы между начальным и срединным (после гласного) положением гласного практически нет. Количество и придыхание пересекаются только не в начальном слоге слова. Долгая и краткая могут выступать в значении спиритуса на гласном в положении после гласного. Указанное попарное соотношение между всеми тремя типами знаков, как ясно из рассмотренного материала, делает первый слог слова (не прикрытый согласным) самым свободным от синкретизма надстрочных знаков (только [°] или ^{°'}), и тем самым абсолютно сильным в позиционном отношении положением просодических знаков. Именно в этой позиции раньше всего была отработана общерусская система обозначений.

На срединном слоге сталкивались все три обозначения, и поэтому отработка системы обозначений продолжалась здесь несколько дольше — до конца XVI в. Положение облегчалось тем, что функция придыхания для некоторых знаков этого ряда очень рано стала факультативной, и по существу конфликт возник между обозначением качества — количества в подударном гласном. В предыдущем очерке показаны сложные пересечения в значениях соответствующих знаков в пределах одной рукописи (на примере Пс. 1556 г.). Единственным остатком подобной конкуренции осталось обозначение [ô] посредством ô, для чего был использован знак д о л г о т ы [^], вынесенный из предыдущего этапа в развитии русской орфографической традиции.

Наконец, конечный слог слова — самый неопределенный по составу обозначений, потому что здесь пересекались обозначения после согласных (тебѣ, тебѧ, тѧ, нѣ) и обозначения после гласных (моѹ, моей, моеѹ), усложненные необходимостью различать долгий и краткий слог (и притом необязательно под ударением). В конкуренции указанных обозначений победил знак долгой — как наи-

более универсальный и к тому же единственный, который в предыдущей системе отношений одинаково встречался как после гласного, так и после согласного. Тем самым в данной позиции обозначения придыханий были устранены вовсе, а долгота совместилась с акцентом или, вернее, осознавалась как вариант акцента (на безударном слоге). По-видимому, еще в конце XVI в. такая система была свойственна большинству русских рукописей, а северные рукописи — хранители традиции — сохраняли долгую еще и в XVII в.

После того как долгая стала универсальным знаком конца слова, она заменилась варией (с середины XVII в.), и тем самым в этой позиции были устранены также и количественные характеристики текста (если не принимать во внимание некоторых северных рукописей, которые отражают севернорусское «продление конечного слога слова»). Вария обозначает только подударный конечный слог (тебѐ, тебѧ, тѧ, мою; но моѳей или моѳею).

По мере того как из языка уходили характерные для него в прошлом количественные и качественные различия гласных в разных позициях слова, система надстрочных обозначений упрощалась и становилась более строгой в функциональном смысле. Единственным и универсальным знаком просодии остался знак ударения (в вариантах ' и `), поскольку это соответствует особенностям русского произношения и написания. Некоторое время знак придыхания сохранялся в начале слова, но и там он постепенно исчез (параллельно с исчезновением вариы на конце слова) в связи с появившимся обыкновением писать и печатать текст с пробелами между словами; тем самым отпадала последняя функция псилы и вариы — разграничительная.

Таким образом, изменение заимствованных просодических знаков на русской почве шло от синкретизма каждого знака и множества разных знаков к ограничению числа знаков и к функциональному единству оставшихся знаков. Графические средства и орфографические правила определялись потребностями фонологической системы (каждый раз, естественно, немного запаздывая по отношению к фоновым сдвигам).

Сокращения в названиях рукописей

- Ев. 1522 г. — Евангелие 1522 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 33/38
 Тр. 1523 г. — Триодь 1523 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 435/692 (Ростов)
 Пр. 1532 г. — Пролог 1532 г., ГПБ, Соф. 1327 (Новгород)
 Тр. 1533 г. — Триодь 1533 г., ГПБ, Соф. 91
 Ев. 1534 г. — Евангелие 1534 г., ГПБ, Соф. 11 (Вологда)
 Мин. 1534 г. — Минея служебная 1534 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 379/631
 Круг 1536 г. — Круг миротворный 1536 г., ГПБ, Ф. I. 471
 Четья 1538 г. — Минея четья 1538 г., ГПБ, Соф. 1323 (Новгород)
 Служ. 1540 г. — Служебник 1540 г., ГПБ, Соф. 943
 Ев. 1542 г. — Евангелие 1542 г., ГПБ, Погод. 119
 Ап. 1545 г. — Лиц. апостол 1545 г., ГПБ, Соф. 45 (Новгород)
 Ев. 1548 г. — Евангелие 1548 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 11/136
 Жития 1550 г. — Жития Зосимы и Савватия соловецких 1550 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 35/1274 (Соловки)
 Служ. 1554 г. — Служебник 1554 г., ГПБ, Соф. 757 (Дмитров)
 Пс. 1556 г. — Псалтырь 1556 г., ГПБ, Погод. 94 (Переяславль-Залесский)
 Треб. 1566 г. — Требник 1566 г., ГПБ, Соловецк. 1090/1193 (Соловки)
 Пс. 1566 г. — Псалтырь 1566 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 60/317 (Вологда)
 Мин. 1569 г. — Минея 1569 г., ГПБ, Соловецк. 631/533 (Александров)
 Панд. 1570 г. — Пандекты Никона Черногорца 1570 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 28/1105.
 Треб. 1570 г. — Требник 1570 г., БАН, Архангельск. 933, Сийск, 6
 Пр. 1581 г. — Пролог 1581 г., ГПБ, Ф. I. 910
 Житие 1587 г. — Житие Андрея Юродивого 1587 г., БАН, 33. 5, 9
 Пс. 1587 г. — Псалтырь 1587 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 78/335
 Грек 1587 г. — Слова и сказания Максима Грека 1587 г., БАН, Архангельск. Д 42 (Печеры)
 Сб. 1589 г. — «Корнильевский» сборник 1589 г., ГПБ, Соф. 439
 Тр. 1589 г. — Триодь 1589 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 419/676 (Дорогомилов)
 Кормч. 1590 г. — Кормчая 1590 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 1/1078
 Служ. 1592 г. — Служебник 1592 г., ГПБ, Соф. 1026 (Старая Русса)
 Об. 1594 г. — Обиходник Троице-Сергиева монастыря 1594 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 735/992
 Тр. 1596 г. — Триодь 1596 г., ГПБ, Соф. 108
 Служ. 1598 г. — Служебник 1598 г., ГПБ, Соф. 957 (Хутынь)
 Сб. 1598 г. — Сборник 1598 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 497/754
 Пс. 1599 г. — Псалтырь 1599 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 56/313
 Служ. 1603 г. — Служебник 1603 г., ГПБ, Соф. 1020 (Пежма)
 Тр. 1611 г. — Триодь 1611 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 441/698
 Тр. 1619 г. — Триодь 1619 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 434/691
 Ев. 1625 г. — Евангелие 1625 г., ГПБ, Соловецк. 74/146 (Соловки)
 Сб. 1629 г. — Лиц. сборник 1629 г., ГПБ, ОЛДП Q. 17 (Самара)
 Служ. 1631 г. — Служебник 1631 г., ГПБ, Соф. 900
 Мин. 1645 г. — Минея служебная 1645 г., ГПБ, Соловецк. 499/518
 Златоуст 1649 г. — Златоуст 1649 г., БАН, 31. 6, 31 (Чаронда)
 Сб. 1659 г. — Лиц. сборник 1659 г., ГПБ, ОЛДП, Ф. 406 (Ярославль)
 Ев. 1678 г. — Евангелие 1678 г., ГПБ, ОЛДП, О. 242 (Астрахань)
 Ап. 1693 г. — Апостол 1693 г., ГПБ, Кир.-Белоз. 119/124
 Син. 1696 г. — Синодик домово́й церкви боярина А. А. Матвеева 1696 г., ГПБ, Q. I. 870
 Книга 1697 г. — Вкладная книга с описанием городов Сибири 1697 г., ГПБ, Ф. IV. 76.
 Сл. 1698 г. — Слово в день пятидесятый, 1698 г., ГПБ, Q. I. 215